

Игумен Иннокентий (Павлов). УШЕДШАЯ ЭПОХА. Заметки в связи с кончиной митрополита Сурожского Антония

Церковная история XX века знает несколько имен "человек-эпох". Это, скажем, Папа Пий XII или Патриарх Афинагор, с которыми, действительно, уходили целые эпохи церковной истории, ознаменованные историческими катаклизмами, в контексте которых им приходилось отстаивать место Церкви прежде всего как социально-политической структуры в быстро меняющемся мире. Уход эпохи владыки Антония, также, несомненно, ставшей достоянием церковной истории, сродни уходу эпох московских протоиереев Алексия Мечева и Всеволода Шпиллера, то есть эпохцерковного проповедничества и пастырства.

Мое личное знакомство с новопреставленным Пастырем (хотя и пребывавшем в сане архипастыря) было не столь близким и не столь продолжительным, как у многих из тех - как в Англии, так и в России, - кто бы мог поделиться своими воспоминаниями о нем как о личности и как о духовном наставнике. Тем не менее, поскольку мое воцерковление и духовная карьера напрямую были связаны именно с эпохой владыки Антония, то как церковный историк, думаю, я так же могу вплести свой скромный цветок в поминальный венок почившему.

Имя митрополита Сурожского Антония я узнал в свои юношеские годы, во 2-й половине 60-х гг., причем не столько даже из религиозных передач Би-Би-Си, в которых он иногда принимал тогда участие, сколько от московского церковного люда. Причем здесь я сразу должен опровергнуть одну из бытующих в нашей современной церковной публицистике мифологем (в основном в сочинениях относительно молодых авторов, которых тогда и на свете не было) о митрополите Антонии как о пастыре и проповеднике для интеллигенции. Конечно, церковные интеллигенты того же шпиллиревского круга считали своим долгом бывать на службах лондонского пастыря в те теперь уже далекие годы. Но сам владыка стремился в Москву и старался использовать любую возможность для проповеди не только ради них. И именно от простых тогдашних церковных бабушек я и узнавал, что в Москве находится Антоний Сурожский. И надо сказать, что сарафанное радио куда оперативнее, чем теперь иные специализированные информагентства, передавало сообщение о том, что владыка завтра, скажем, служит всенощную у "Споручницы", а литургию будет служить в "Новодевках" или в "Брюсове". Самое первое и, очевидно, самое яркое впечатление, которое в возрасте 16 лет я вынес от проповеди владыки, впервые услышанной лично, был его русский язык, удивительно живой, но при этом литературно и орфоэпически нормативный. Причем это не был язык дореволюционного прошлого, но, с другой стороны, это был язык российской духовной культуры, стоявшей вне советского контекста. И еще на что я обратил внимание, спустя более десятилетия, будучи уже

семинаристом. Хотя проповеди владыки выдавали в нем человека высочайшей культуры, причем не столько даже богословской, сколько общей, они вовсе не были адресованы исключительно образованной публике. В них не было ни ссылок на разные человеческие, в том числе и церковные авторитеты, не было и употребления разных специфических терминов, чем, скажем, импонировал советским образованцам о. Александр Мень. Для владыки Антония были дороги и близки все его слушатели, независимо от их культурного уровня и социального статуса, и он был доступен их пониманию. Его культура речи, искренность (чувствовалось, что говорил он только то, что пережил лично) и доступность пониманию всех его слушателей стали для меня лучшей гомилетической школой, чем соответствующие курсы, прослушанные в семинарии и академии. Впрочем, был все-таки круг слушателей, который он, как мне тогда представилось, особо выделял в те свои теперь уже давние московские визиты. Это была молодежь. В середине и в конце 60-х гг. в московских храмах ее было еще совсем мало, затем, по мере количественного истончения паствы, с одной стороны, и некоторого пробуждения интереса к духовным проблемам среди образованной публики, с другой, она становилось более заметной. Но я помню, как, увидев в том же 1968 г. молодое лицо в московском храме, владыка еще более оживлялся. Я сам тогда ловил на себе его такой добрый, но при этом пронизывающий тебя насквозь взгляд.

В своих недавних заметках по поводу первоапрельского патриаршего послания, которое я охарактеризовал как прямое издевательство над владыкой Антонием, когда ему, готовящемуся к встрече с вечностью, предлагалось поучаствовать в явной авантюре и возглавить гипотетический Западноевропейский митрополичий округ, я среди прочего отметил и тот вопрос, который и 60-е гг. и позднее волновал многих в России, в том числе и меня. Вопрос этот состоял в том, что такой ревностный пастырь, воспитанный в атмосфере духовной и политической свободы, когда у человека есть выбор, делает в лоне Московского патриархата, не только канонически не преемствующего Православной Российской Церкви, но и состоящего в идеологический прислужниках у богоборческого советского режима? На это он отвечал обычно в том плане, что Русская Церковь, к которой он принадлежит, это и есть та Церковь, которая находится на родине со всеми скорбями своего подневольного бытия, а его задача, как живущего в свободном мире, в том и состоит, чтобы хранить ее каноническое предание и всячески содействовать ей в том, что касается ее спасительной миссии в ожидании благоприятных для нее внешних перемен. И здесь мы сталкиваемся с интересным парадоксом. В советские времена, когда всякая активность Московской патриархии на внешней арене находилось под бдительным контролем КГБ и Идеологического отдела ЦК КПСС, митрополит Антоний мог быть не только иерархом Московского патриархата, но и пользоваться практически полной самостоятельностью в своей церковно-административной и пастырской деятельности. Дело в том, что и руководители ОВЦС, начиная еще со "сталинского сокола" Николая Ярушевича, и их кураторы с Лубянки и Старой площади, прекрасно понимали, что такой всемирно известный христианский деятель, как владыка Антоний, ценен им уже тем, что своей церковной принадлежностью рекламирует бренд "TheMoscowPatriarchate". Они понимали, что большего требовать от

него не приходится, а если чем и можно его наказать за, скажем, выступление в защиту Солженицына, так это на пару-тройку лет не пускать его в СССР. Иное дело теперь. Внешняя свобода, незаслуженно свалившаяся на РПЦ МП, явно не пошла ей пользу, что теперь можно смело констатировать со всей очевидностью. Произнося слово "польза", я имею в виду именно то, что можно было бы назвать пользой церковной, то есть то, что способствует созиданию тела Церкви как Тела Христа. Но если это имело место, хотя, понятно, со своими искушениями, в Сурожской епархии, то это было бы ни 10 лет назад, ни теперь в России, если не считать единичных островков истинной церковности в море политиканства, любостяжания и откровенного хриstopродавчества. Горечь ситуации, в которой в связи с этим оказался владыка Антоний, как известно, заключалась в том, что этот нахрап ему пришлось пережить от человека, в котором он готов был видеть своего духовного сына. Несомненно, скандал, вышедший далеко за рамки Сурожской епархии в связи с назначением туда в качестве викария епископа Илариона (Алфеева), который решил и там оставаться в ставшей привычной для него роли послушного исполнителя воли воистину злого гения сегодняшней РПЦ МП митрополита Кирилла, изрядно отравил владыке Антонию последние месяцы его земной жизни. А тут еще издевательское первоапрельское предложение. Но и известные своей бесцеремонностью дельцы из Московской патриархии отступают, когда их корыстные замыслы разбиваются о твердыню настоящей церковности, кою и явила нам Сурожская епархия. Так что пришлось пойти на чаемое в Британии назначение епископа Василия (Осборна) ее управляющим.

Если бы теперь мне пришлось задать владыке Антонию приведенный выше вопрос, который так волновал московскую церковную общественность 40 и 30 лет тому назад, то я бы сформулировал его несколько иначе. Я бы спросил лондонского пастыря не о том, почему он теперь состоит иерархом РПЦ МП, а о том, что в столь далеком 1931 г. привело его, такого же 16-летнего юношу, каким был я, когда увидел его впервые, именно на Трехсвятительское подворье, когда оно практически было только образовано как своего рода представительство Московской патриархии в Париже. Напомню, что это был как раз тот год, когда законный предводитель Западноевропейской епархии, наконец, вынужден был порвать административные отношения с псевдоканоническим церковным центром в Москве. Но поскольку напрямую владыку Антония теперь уже об этом не спросишь, попробуем найти ответ на наш вопрос в его многочисленных беседах и интервью, где он вспоминает свое детство и юность, когда и произошел его приход ко Христу.

Напомню, это был приход юноши из типичной российской интеллигентной семьи, для которой, как для большинства таких семей в России и в изгнании были характерны религиозная индифферентность, если не прямой атеизм. Владыка при этом обычно вспоминал выступление в лагере для российских мальчиков некоего священника, говорившего о Христе, чье выступление ему страшно не понравилось. Имя священника при этом никогда не называлось, но подозреваю, что речь здесь идет ни о ком ином, как о протоиерее Сергии Булгакове, который так же как много лет спустя сам владыка Антоний стремился быть ближе к молодежи и в посещении лагерей для детей российских

беженцев видел свой священный пастырский долг. Мне не удивительно, что слово о Христе самого блестящего христолога истекшего XX столетия не понравилось будущему едва ли не самому блестящему современному проповеднику истинного христианства. Но главное оно все же сделало - пробудило интерес к теме. Именно после этой беседы Андрей Блум, будущий владыка Антоний, впервые взялся за чтение Евангелия, каковым оказалось Евангелие согласно Марку, как самое короткое. Психолог, очевидно, усмотрит в этом эпизоде дух протеста и стремление к самостоятельности в поисках ответов на свои вопросы. Этот дух, как я теперь могу предположить, вопреки господствовавшей в тогдашнем российском Париже тенденции, привел юного Андрея Блума не на Свято-Сергиевское, а на Трехсвятительское подворье, по сути дела, к отщепенцам и маргиналам на фоне остального церковного Парижа, во главе которых тогда стоял психически неуравновешенный епископ Вениамин (Федченков). Впрочем, если посмотреть на это обстоятельство духовными очами, тогда начинаешь осознавать, что в жизни не бывает случайных встреч, равно как и случайных разлук. Такая вот неслучайная встреча с валаамцем архимандритом Афанасием (Нечаевым), ставшим настоятелем подворья после отъезда в 1933 г. епископа Вениамина в Америку, произошла и у Андрея Блума, определив до конца земных дней его судьбу.

Несмотря на многочисленные встречи с владыкой Антонием вплоть до его последнего посещения России в 1990 г., тесно с ним мне удалось пообщаться лишь в мае 1987 г., когда я уже трудился в ОВЦС и занимался организацией и проведением научно-богословских конференций, посвященных 1000-летию Крещения Руси. Ситуация была такова, что помимо приглашения анонимных "представителей церквей и экуменических организаций", список которых был заранее определен руководством, предполагались также и персональные приглашения, коих могло быть в пределах хоть сотни человек, причем этот вопрос оказался практически полностью в моей компетенции. Не помню, чтобы по предложенным мной кандидатурам кто-либо высказывал возражения. Естественно, что приглашение митрополита Антония было для меня делом само собой разумеющимся. Поскольку юбилейный фонд тогда позволял, то большинству иностранных участников ОВЦС приобретались авиабилеты до Москвы и обратно. И я, ничтоже сумняшеся, дал протокольной службе данные на приобретение билета и для владыки Антония. Потом я ему позвонил в Лондон, наговорив на автоответчик, что его билет до Москвы ждет его в лондонском представительстве "Аэрофлота". Наступает день прилета, и тут мне сообщают, что обменный ордер на приобретение владыкой билета не был востребован. Между тем, на следующий день владыка Антоний как ни в чем не бывало появляется в зале заседаний конференции, проходившей тогда на Погодинке в Издательском отделе, и сразу направляется ко мне, дабы в своей неизменно дружеской форме сделать мне внушение, чтобы я впредь никогда не покупал ему билеты за счет патриархии, поскольку он как архиерей принципиально не пользуется ее материальной поддержкой. Дальше во время пленарных заседаний конференции мы все время сидели рядом, а также имели возможность свободно общаться в перерывах и во время обедов и ужинов в гостинице "Украина". Помню, я задал ему вопрос, который бы никогда не пришел мне в голову, если бы это был архиерей из СССР. Разговор зашел о моих знакомых, незадолго до этого

перебравшихся в Лондон и ставших прихожанами Успенского собора. Каково же было мое удивление, когда на вопрос о них, владыка оживился и подробно рассказал мне и об обстоятельствах их лондонской жизни, и о своей пастырской озабоченности по поводу их духовного состояния. Иными словами, передо мной предстал именно пастырь, а не политик, администратор или же крепкий хозяйственник в рясе, каковыми были по преимуществу известные мне тогда советские не только архиереи, но и приходские священники, и монашествующие.

Жизнь потом свела меня и с ближайшими сотрудниками владыки Антония – архиепископом Анатолием (Кузнецовым), который оставил в России небедную епархию, откликнувшись на призыв лондонского пастыря, чтобы стать его помощником и обречь себя при этом на более чем скромное житье, епископом Василием (Осборном), с которым я встречаюсь теперь практически ежегодно как с одним из попечителей Библейско-богословского института св. апостола Андрея, в котором продолжается теперь моя карьера, и с протоиереем Сергием Гаккелем, с которым не раз вместе участвовал в различных конференциях. Эти люди могут быть отнесены к цвету нынешнего православия, и то, что они оказались рядом с владыкой Антонием, а теперь будут продолжать его дело, есть лучшее свидетельство того, что оно будет иметь свое благословенное продолжение.

А владыке Антонию - Царство Небесное и вечная память!

© Портал-Credo.Ru, 2002-2003. При полном или частичном использовании материалов, ссылка на portal-credo.ru обязательна. Пишите нам: editor@portal-credo.ru